

Александр ТИТОВ

Липецкая область

МОЯ ЛЮБИМАЯ

ЖЕНЬКА

АЛИК ДОГАДАЛСЯ!

повесть

Наконец-то Алик сообразил... Его рыжее маленькое лицо мелькнуло в сером школьном коридоре. Затем он бегом устремился ко мне, словно желая сказать что-то важное. Ну и пусть бежит себе хоть сто лет! Ну вот, так и есть... Мне кажется, будто его бег замедлился и он словно плывет в пространстве длинного и пустого в этот час коридора.

Теперь я уже окончательно признался себе, что люблю Женьку, его старшую сестру. А он только сейчас понял это, бедняга! Вот тебе и хитренький высокомерный Алик!

— Ты... ты любишь мою сестру? — запыхавшись, спрашивает он и орет при этом на весь коридор.

Хорошо, что здесь никого нет. Сейчас у нас свободный урок, наш класс разбрелся по школе. Некоторые ребята выбежали на улицу, хотя там холодно и моросит дождь.

Алик мой одноклассник и сосед, мы дружим с детства. А еще у него есть старшая сестра — Женька!.. Алик считает ее ничтожеством и душой. Но это не так. Женька умная и читает серьезные книги про любовь. Она с детства мечтает полюбить какого-нибудь рыцаря — сильного и смелого. А я, увы, не такой — я слабый, худой и хилый, часто болею...

Женька тоже рыжая, хотя Алик намного рыжее, чем сестра, к тому же он невысокого роста и задиристый. Мы с ним иногда деремся, затем быстро миримся...

Он так орет в тихом сейчас школьном коридоре, что мне хочется дать ему щелчка за этот вопрос. Я, конечно, притворяюсь, что ничего не понимаю, и тупо смотрю на него, хотя сердце мое трепещет.

Один лишь образ, одно имя заполняет всё мое воображение — это она, мое конопатое солнышко, моя девушка, которую я тайно люблю, и в то же время обыкновенная соседская девчонка, каких, наверное, миллион на всем белом свете, — Женька!

Ну почему, почему она старше меня на целых два с половиной года? Если Бог есть, то почему

он допустил такую несправедливость? И теперь мне кажется странным, что она сестра этого баламута и забияки Алика!

– Так ты любишь ее?

– Кого? – я притворился, что не понимаю вопроса.

Ожидая ответа, Алик округлил глаза, вопросительно распахнулись его белесые ресницы, из-за них взгляд его всегда казался хитрым. Алик действительно был паренек себе на уме. Впрочем, и Женька была весьма хитра, изворотлива, в детстве, когда я был маленьким, она частенько меня дразнила...

– Да! Я ее люблю... – выдыхается из моей груди тяжело, хочется от волнения кашлять, и глаза слезятся, как у больного. Сказал эти признательные слова и как в омут нырнул, оглушенно думая, что же Алик скажет мне в ответ. Смеяться, наверное, будет.

Он немного помолчал, словно обдумывая нечто важное.

– Ну и дурак, что любишь! – Алик и в самом деле попытался рассмеяться, но у него не вышло, затем, резко повернувшись, ни слова не говоря, помчался по громыхающей деревянной лестнице на второй этаж, где занимались старшеклассники.

«ЛИДЕР»

«Он пошел рассказывать ей!.. Она узнает...» – я в отчаянии сжимал пальцами подоконник и смотрел в окно, где дождь хлестал по зарослям полыни, оседая бриллиантовыми каплями на полынных, доносящих свою горечь даже через стекло шариках. А потом подумал: – Она небось и сама догадывается о моих чувствах... Она же видит, как я смотрю на нее... Самому порой стыдно, что иногда так вот запросто тарашусь на нее...»

Кочегар дядя Федя открыл скрипучую дверцу котельной, вышел на улицу подышать свежим воздухом, достал из кармана «Беломор» – издалека виден на пачке символический полярный круг. Достал папиросу, дунул в мундштук, закурил.

Издалека, возможно, он видел через стекло мое бледное лицо, но не придавал этому значения.

Мало ли ребятишек смотрит на улицу с тоской через помутневшие к зиме стекла окон!..

В школе продолжался урок, было тихо, только мы с Аликом бездельничали и еще несколько ребят гоняли мячик на спортплощадке, – наш классный руководитель, Сергей Петрович, он же преподаватель математики, он же руководитель драмкружка, поехал в область «пробивать» деньги на реквизит для будущего школьного спектакля, – и мы занимались кто чем захочет.

Алик, хоть он и мой сосед, и единственный друг, все же казался мне забавным человечком. Это был наивный и одновременно достаточно высокомерный мальчик. А вся его высокомерность и гордость проистекали из серьезности, с которой он воспринимал жизнь. Он любил верховодить, но его мало кто слушал, потому что Алькины предложения и команды чаще всего были не к месту. Алик мало читал, учился с двойки на тройку, зато был смел, всюду в опасных забавах был первым, пытаюсь тем самым вернуть себе ускользающее лидерство. Когда он поджег в банке карбид, она взорвалась, слегка поранив ему лицо и разбив пополам твердый козырек фуражки. С вышки на пруду он нырял всегда «пузом», отчего порой терял сознание. Он никого и ничего не боялся, но и шпаной не был, матом почти никогда не ругался.

«Почему этот Грим в каждом фильме снимается?» – спросил однажды Алик, когда мы смотрели фильм в местном ДК и на экране пошли титры. И все, кто его слышал на соседних рядах, засмеялись.

АЛИК С НЕЙ ПОГОВОРИЛ!

На деревянной лестнице вновь послышался топот – это возвращался Алик, он точно так же стремительно бежал на первый этаж, грохотали не только ступени – деревянные перила, несмотря на подпорки, скрипели и покачивались. По одним только звукам и громкому мальчишескому пыхтению можно было догадаться, кто это бежит, – такой же белобрысый, нос, щеки конопатые, волосы встопорщенные, только глаза его были на этот раз не прищурены, а широко раскрыты:

– Я рассказал ей всё! – и хитро заулыбался.

Ему показалось, что он сделал мне мелкую пакость, он любил подобные выходы, но называл все это «приколами». — Я вызвал ее с урока физики и сказал, что ты ее любишь!

— А она?.. — сердце мое глухо стучало, фигура кочегара за окном поплыла, я протер глаза, стараясь восстановить четкое изображение.

Дядя Федя отбросил папиросу в поникшую и без того замусоренную крапиву и ушел в подвальное помещение, из трубы котельной, устремленной в небо сажевым стволом, повалил черный угольный дым.

— Что она?.. — хмыкнул самодовольно Алик и, выдержав долгую паузу, нахмурился, затем рассмеялся. — Она сказала, что ты дурачок, хотя и хороший мальчик.

— Мальчик? Она назвала меня «мальчиком»?

— Ну а кто же ты — девочка, что ли?

— Мы с тобой семиклассники, мы не совсем мальчики, мы уже ... — я забыл нужное слово.

— Подростки, что ли?

— Ну да, мы отроки!

— Да, ты действительно отрок — словечко, похожее на слово «дурак»! — рассердился Алик. — Она, Женька, на три года старше тебя. Она — старуха!

— Сам ты старик!

— Не переживай, я ее уговорю, чтобы была твоей. А ты уступи мне новенькую!..

— Какую еще «новенькую»? — я в первый момент растерялся, потому что думал только о Женьке. Через год она окончит школу, уедет, что мне тогда делать?..

ДРУГ ПРЕДЛАГАЕТ ОБМЕН

— Ладно!.. — воскликнул загадочно Алик. — Если хочешь, люби мою сестру, а мне отдай Вальку.

— Какую Вальку?

— Здрасьте, ты же сидишь с Валею Логиновой, с нашей знаменитой на всю школу певицей.

— Она так себе певица, у нее слуха почти нет! — заметил я.

— А голос? — воскликнул Алик. — У нее замечательный голос! — и почти театральным шепотом добавил: — Когда поет на школьной сцене, она меня очаровывает, я весь таю...

— Голос у нее есть!.. — сказал я. — Но это все

для сельской художественной самодеятельности. Недаром ее так привечают в нашем ДК!

— И ты ей сказал об этом?

— О чем?

— О том, что у нее нет слуха...

— Да нет, что я, дурак, что ли... Творческим людям, особенно артистам, нельзя говорить, что они бездарны.

— Ну и молодец! — облегченно вздохнул Алик.

— Тем более она сидит с тобой... Я знаю — ты ей нравишься... А надо сделать так, чтобы разонравился, — и то ли вопросительно, то ли утвердительно друг взглянул на меня.

— Она списывает у меня всё подряд, — сказал я.

— И учителя это знают и смотрят сквозь пальцы, потому что у нее папашка — начальник...

Валя, которая сидит со мной за одной партой, кажется, обижена, что я не обращаю на нее внимания. Она действительно самая красивая девочка в классе, на нее многие мальчишки засматриваются, у нее в ушах крохотные золотые сережки, у нее отец — начальник райпо... Большой по советским меркам человек!

И губы Валя подкрашивает — несильно, но заметно, пахнет от нее по утрам парфюмерией так здорово, что хочется отодвинуться в сторону... То ли дело Женька — она всегда, даже зимой, пахнет спелыми вишнями, которые мы летом обрывали в саду, и блинами, которые она жарила на летней печке возле дома...

Учится Валя неважно, особенно плохо соображает в математике, постоянно у меня все списывает, вплоть до сочинений.

Узнав, что я не испытываю к Вале никаких чувств, Алик облегченно перевел дух. Ему нужны были доказательства, что я Вале не нравлюсь. А я ей еще и как нравлюсь — точно знаю, это всегда чувствуется. Вот идут навстречу нам по коридору симпатичные старшеклассницы, болтают о чем-то и на нас с Аликом не обращают внимания. Но я-то знаю, что вон той, невысокой смуглолицей спортсменке, я нравлюсь. Вот сейчас она обернется...

Та действительно оборачивается, смотрит на меня коротким рассеянным взглядом.

Ее светловолосая подруга тоже машинально вслед за ней оборачивается: «Ты что?.. Кто там еще?.. Это дураки из седьмого «б»...»

— Нет, ничего, просто так... — отвечает «моя». Она лыжница, чемпионка области, у нее уже крупные бедра, и она лицом похожа на итальянку.

Я-то знаю повадки девчонок, всё у них просто так, всё как бы понарошку. Хи-хи да ха-ха — ни одной умной мысли. Не то что Женька — она и рассуждает по-умному, и книги умные читает, например, роман «Всадник без головы», и музыку самую современную слушает, вовсе не тупую, а понятную и мелодичную... Поэтому я хочу, чтобы скорее прозвенел звонок и наступила перемена, чтобы увидеть свое солнышко, свою Женьку.

ПОЧЕМУ Я ЕЕ ПОЛЮБИЛ?

Бредем с Аликом по коридору, он тащит меня к афише — школьников приглашают записываться в драмкружок.

— Я тоже в него записался! — говорит Алик. — Из-за Вали... Первый спектакль — «Гамлет»! Вали тоже там участвует, причем в главной роли — Офелия!.. — Алик немного помолчал, вздохнул. — А мне роль Гамлета так и не дали, как я ни просил Сергея Петровича... Я чуть не на коленях перед ним стоял, обещал стать круглым отличником, лишь бы мне дали роль Гамлета!

— Ну и почему же тебе не дали?

— По кочану... — шмыгает носом Алик. — Если бы я был таким, как ты...

— Каким?

— Ну, таким вот, симпатичным... И уверенным в себе!

Я на это лишь вздохнул. Если бы я был таким «уверенным в себе», то и Женьке бы давно уже признался в своих чувствах...

— Алик, а ведь я тоже записался в драмкружок! — говорю я.

Алик ошарашенно, почти зачарованно смотрит на меня.

— Ты? — восклицает он чуть ли не с гневом. В его интонации слышится вопрос «да как ты посмел?». — Ты?

— Ну я... А что, нельзя?

— Да нет, почему же... — сникает Алик. — Туда всем можно. Туда за уши тянут мальчишек и девчонок, потому что актеров не хватает, а кро-

ме того, еще массовка нужна — солдаты, слуги, розенкранцы и гильденстерны разные... Кстати, какая тебе досталась роль? Розенкранцем будет Колька Веселов, а ты, наверное, Гильденстерн?

Я нарочно держу паузу, тяну время, чтобы ошарашить Алика окончательно.

— Ну, говори же, кем тебя взяли в спектакль! Призраком отца Гамлета, что ли? Почему ты молчишь?

Я делаю вид, что изучаю объявление, написанное крупными буквами на листе ватмана:

«Приглашаем всех учащихся школы с 5 по 10 класс записываться в драматический кружок! Обращаться к учителю математики Сергею Петровичу Иванову».

Этот Иванов и в институте, говорят, участвовал в спектаклях городского драмтеатра. Странно, что в нем сочетается любовь к искусству с математикой — загадочной наукой.

— Я Гамлет! — тихо, стараясь не напускать в голос торжественности, сказал я.

— Ты?! — Алик молча смотрел на меня, глаза его были широко открыты, в них — гнев, изумление, зависть... — Гамлет...

Он как-то сник и собрался то ли уходить, то ли бежать прочь от меня, в этот момент он был похож на маленького старичка с копной рыжих взъерошенных волос.

— Почему? — снова восклицает он с обидой в голосе. — Ну почему тебе всегда везет, почему именно ты — Гамлет?

— Мне не всегда везет... — задумчиво отвечаю я. — Ты вступил в кружок из-за Вали, а я из-за твоей сестры, которая меня не любит. Ведь ты, наверное, знаешь, что Женька будет играть роль королевы Гертруды!

— Да знаю, знаю... — он как-то раздраженно махнул рукой. Дескать, что разговаривать о таких пустяках, как роль сестры?

Вновь потухшим голосом он принялся корить Женьку, которая его часто обижала в детстве и сейчас достает своими щелчками и насмешками.

Кроме того, она, по мнению Алика, всегда была некрасивая, обычная, дескать, волосы как пакля, да еще с рыжим оттенком! «Разве еще найдется такой идиот, кроме тебя, который сможет в нее влюбиться?» — вырвалось как-то у Алика.

— Найдется. Обязательно найдется... Она необыкновенная!

— Чем же она необыкновенная?

— А тем, что есть просто красавицы, а есть девушки такие... Истинную красоту их с первого взгляда распознать трудно...

— А ты, выходит, распознал?

— Ну да, распознал... Всегда она мне нравилась, а недавно я понял, что я ее люблю!

— Значит, четырнадцать лет она тебе просто нравилась, щипала тебя, дергала за нос, а теперь ты, оказывается, влюблен в нее?

— Да ну тебя, Алик, ты тоже любишь дразнить всех подряд, в том числе и меня...

Алик расхохотался, но была в его смехе какая-то искусственность, натужность.

— К тому же она конкретно конопатая... — он перестал смеяться, маленькая конопатая физиономия его вновь приняла кислое выражение. — Такая ни в актрисы не годится, ни в певицы, а лучше всего быть бы ей дояркой в колхозе или ткачихой на фабрике!

— Что же плохого в этих профессиях? — спросил я. — У меня тетя доярка, и она пока еще молодая, симпатичная, ее портрет в журнале был напечатан, на обложке!

— Это я так, к слову... — Алик смотрел на свое отражение в стекле витрины, под которым размещалось объявление о школьном драмкружке, и нарочно прищурился, словно надеялся таким образом убрать веснушки со своих щек.

— Ну разве можно влюбиться в конопатую? — недоумевал Алик и разводил короткими руками. — Я даже не представляю, как на конопатой можно вообще жениться!

— А я бы женился! — ответил я со вздохом. — Только она за меня не пойдет!

— Почему же не пойдет? — недоумевал Алик.

— Потому... Она же все время смеется надо мной! — огорченно и тихо выкрикнул я в сумрак коридора. За дверями классов, где шли занятия, слышалось шевеление, наверное, сейчас прозвонит звонок. — То за нос дернет, то за ухо! А ведь я не маленький, это она в детстве издевалась надо мной, так же как и над тобой...

МОИ КОНЬКИ

Хорошо Женьке — у нее отец, Василий Алексеевич, работает учителем физкультуры, поэтому у Женьки всегда самые хорошие лыжи. И коньки отец ей принес домой не простые, а на ботинках.

Я сижу в своем классе. Уроки закончились, все разошлись. Достаяю из-под парты свои коньки, начинаю подвязывать их к валенкам — на коньках по гладким обледенелым тропинкам я быстро доеду до дома.

У меня обычные снегурки с загнутыми носами, изрядно поржавевшие, мне их подарил двоюродный брат, причем оба конька разные — один больше, другой меньше. Один — ржавый, другой — блестящий. Один едва виден из-под валенка, зато другой высовывался вперед поверх тупого войлочного носа, словно оглобля саней.

Тюкая коньками по деревянным половицам, словно подковами, выхожу из школы — через небольшой темный тамбур на улицу. Вечереет.

Народу вокруг мало, радует взор обледенелая дорожка, чуть припорошенная снегом. Делаю шаг, отталкиваюсь, набираю скорость, морозный воздух бьет в лицо, сумка, привязанная за спиной, колотит сзади, словно подбадривает, и вот я уже мчусь вперед, навстречу заходящему зимнему солнцу.

Неожиданно со свистом и звоном по льду меня обгоняет Женька на своих хромированных коньках с ботинками, в розовой куртке и фиолетовой шапочке, которая так идет к ее рыжим кудрям.

— Догоняй!.. — оборачивается она и смеется.

— Да разве тебя догонишь? — кричу я и остаю навливаюсь в полном огорчении.

Она сбавляет ход, останавливается, лихо развернувшись на одном месте, и поджидает меня.

Я стремительно срываюсь с места — и бегу к ней, к ней!.. Затем мы, уже не спеша, поглядывая друг на друга и болтая о школьных делах, едем домой... Съезжаем вниз, в ложину, где еще с осени замерзло небольшое озерцо, расчищенное деревянными лопатами. Лед здесь тонкий, хрустит, когда мы съезжаемся совсем близко, Женька взвизгнула, оттолкнула меня, опасаясь, что мы оба провалимся в воду. Но вот уморились, легли на лед, дышали на него и делали

«глазки» смотреть, как играют в зеленых водорослях на дне пруда солнечные запоздалые лучи.

Потом случилось чудо: Женька повернулась ко мне, поцеловала холодными ото льда губами, которые вмиг сделались горячими. Она меня и прежде целовала, но не так, все больше мимоходом, как маленького, — то в лоб, то в щеку или в макушку. А теперь она целовала меня как женщина — горячо и сильно, понастоящему!

МИЛАЯ «ГЕРТРУДА»!

Я вживаюсь в роль Гамлета. Репетиции проходят каждый день после уроков.

Школьная сцена маленькая, но гулкая, каждое движение, стук, малейший шорох бумаги здесь отражаются эхом. Обычно я переходил ее по диагонали в три шага, а во время репетиций, когда надо приблизиться к Офелии — к глупо улыбающейся Вале, сцена кажется мне огромной городской площадью, по которой я влachu уставшие ноги...

Голос мой порой пропадает от волнения, но я набираюсь духа и сам себе кажусь тем самым отверженным принцем, который ищет истину в этом подлом и запутанном мире. Особенное удовольствие мне доставляет общение с королевой Гертрудой. Меня будто прорывает, я говорю роль и нечаянно добавляю что-то от себя, в голосе у меня то и дело прорываются радостные нотки, что вовсе не входит в планы нашего режиссера Сергея Петровича, еще довольно молодого человека, он только в прошлом году приехал работать в нашу школу.

— Ты что мне тут устраиваешь? — ворчит Сергей Петрович. — У меня такое ощущение, уважаемый Гамлет, что ты влюблен в свою мать-королеву? Хотя, согласно пьесе, ты должен ненавидеть ее за предательство... И не смотри на Женьку... то есть на Гертруду такими влюбленными глазами! Мы ведь не «Царя Эдипа» играем!..

— Кто такой царь Эдип? — спрашиваю я.

Сергей Петрович раздраженно машет рукой, требует четко, без всяких добавок произносить роль.

— А меня он вообще игнорирует! — жалуется режиссеру Валя. — Я Офелия! Он разговаривает

со мной презрительно, даже сквозь зубы, и вообще, он рычит на меня, этот глупый Гамлет...

— Я не собака, чтобы на тебя рычать...

Суетится маленький Алик-Полоний, он машет своей самодельной шпажкой и призывает всех к порядку.

Однажды, когда мы после репетиции вместе с Женькой и Аликом возвращались домой, она наклонилась ко мне и горячо зашептала на ухо:

— Ты знаешь, сегодня, когда ты на сцене смотрел мне в глаза, у тебя было такое раскрасневшееся лицо... Ты так галантно преклонил колено, что я тебя в какой-то момент полюбила... И подумала: «Милый! Какой милый мальчик!»

ДЕРЕВЯННАЯ ШПАГА

Я вырезал деревянную шпагу, покрасил ее краской-серебрянкой, сделал эфес из нержавеющей блестящей проволоки. Когда отец вернулся из рейса, я как раз закручивал последнюю проволочку на рукояти.

— Что это у тебя? — спросил он, устало раздеваясь и вешая куртку на вешалку.

Я с жалостью смотрел на вымотанного очередным рейсом отца: наверное, полстраны проехал с каким-нибудь важным грузом!

Отец поймал мой взгляд и лишь усмехнулся, а потом как-то странно оглядел меня и догадался:

— Ты... Ты Гамлет?..

— Да, а что здесь такого? Наш классный руководитель Сергей Петрович побеседовал со всеми участниками драмкружка, а меня отобрал на роль Гамлета!

— Ну, давай дерзай, посмотрим, что из тебя выйдет!

Мать услышала о моем новом увлечении, воодушевилась: «Давай я тебе камзолчик сошью, бархатный, с жемчужными блестками, как у принца?» У нее где-то был в запасе кусок темного малинового бархата...

Я обрадовался: «Да шей скорее!» И заранее вообразил, каким нарядным увидит меня в день премьеры в этом костюмчике моя вторая «мать» Гертруда, роль которой так интересно исполняет Женька. О том, какой эффект мой наряд произведет на наших зрителей, я в тот день вовсе и не подумал. Видел перед собой только Женьку,

ее лицо! И вспоминал, как она во время репетиций ласково гладила меня по голове своей тонкой, в легких веснушках ладонью...

Через пару дней костюмчик Гамлета был почти готов, я с волнением примеривал перед зеркалом бархатный камзол с кружевным стоячим воротничком и широкими пузырящимися рукавами. Правда, я в этом одеянии походил более не на принца, а на средневекового мальчика-пажа.

Повертелся так и этак, работу матери забраковал: эта курточка меня горбатит!..

Мама огорчилась и тут же взялась переделывать — вновь застрекотала швейной машинкой.

Португею я смастерил сам из старых сыромятных ремней, найденных в сарае. Украсил ее бирюзовым, разноцветной фольгой.

Мама в тот же вечер сумела мастерски подправить камзол — теперь уже горбика на спине не замечалось, и пуговицы подобрала другие, вместо пластиковых — металлические, яркие!

Беретик мой, найденный где-то в бабушкином сундуке, мама вычистила, высушила, украсила мелкими серебристыми блестками, пришила к нему забавное перо явно индюшачьего происхождения. Но все равно перо было очень красивое, пушистое и сразу делало беретик весьма приметным!

Бархат деликатно отблескивал при свете обычной электрической лампочки.

Я был доволен и сложил было костюм в шкаф, но мама еще несколько раз заставляла меня облачаться, то и дело всплескивая восхищенно руками: «Да ты, Саша, у меня настоящий принц!»

Отец, который в тот вечер снова вернулся из рейса, пристально взглянул на меня, прищурился, а потом отрешенно улыбнулся, словно видел не меня, а какие-то свои детские воспоминания. При этом он как-то странно усмехнулся.

Прошло две недели. После новогодних каникул Сергей Петрович вновь собрал всех участников драмкружка. Он произнес короткую речь: мол, ставим «Гамлета» на школьной сцене, выступаем на районном конкурсе в Доме культуры, а затем — уже на областной сцене, на конкурсе сельских драматических кружков!

Я сидел на первой парте ни жив ни мертв. Сердце внутри меня билось гулко.

— Теперь ты еще больше похож на Гамлета! — сказала Женька. Видимо, красивая шпага с

эфесом из нержавеющей стали и бархатный камзол произвели на нее впечатление. — Ты и в жизни всегда какой-то грустный, задумчивый... — И сама почему-то вздохнула.

Алик тоже вздыхал. Роль старика Полония ему не нравилась, хотя Женька уже наклеивала брату небольшую бородку из пакли.

И я вздыхал: Алик от огорчения уже несколько дней со мной не разговаривал, завидовал, наверное, что меня выбрали Гамлетом. Мне хотелось подойти к своему другу и успокоить его: дескать, Полоний не такой уж вредный старикашка. Просто тебе, Алик, надо так сыграть эту важную роль, чтобы все заметили и удивились!

НА СЦЕНЕ ВСЁ КАК НАСТОЯЩЕЕ!

Началась репетиция. Я испытал ужасное ощущение, когда стоял перед ковром и думал, что вот-вот я, Гамлет, проткну своей шпагой ковер, за которым прячется Полоний.

У моей деревянной шпаги тупой наконечник, к тому же в ковре специально сделана дырка, куда я должен воткнуть шпагу, чтобы не задеть прячущегося за ковром Алика... Но все равно мне почему-то было страшно. Представлял, каково стоять за пыльным ковром бедолаге Полонию... Вот он выскочил из-за ковра со своей отклеившейся бородкой, на плечах — паутина: бледный, испуганный.

— Что с тобой, Алик? — спросил его Сергей Петрович.

Немногочисленные зрители, наблюдавшие за ходом репетиции, засмеялись.

— Там... — Алик показывал пальцем за ковер. — Там мне душно... — И, задыхаясь, повернулся ко мне. — А ты почему не колешь? Я жду, жду... А ты всё тянешь резину...

Алик не говорил, а кричал, и всех забавлял его тонкий пронзительный голос.

— Извини, в следующий раз мы повесим ковер так, чтобы актеру поступал воздух... — пообещал Сергей Петрович.

Алик слегка успокоился, приладил отлепившуюся бородёнку, гордо выпятил грудь: он еще покажет, какой он талантливый артист, он откроет все «тайные пружины» своей роли, и все восхитятся его талантливой игрой!

Учитель напомнил мне, что протыкать ковер следует в условном месте и в нужный момент — не спеша! Главное — сценический эффект, и тогда зритель поверит в истинность происходящего.

Я, нарочито поигрывая шпагой, кровожадно взглянул на друга, сделав при этом свирепое лицо. Постепенно входил в роль и уже с откровенным презрением смотрел на Алика-Полония. Кажется, я готов был заколоть его без всякого ковра — прямо здесь, на сцене школьного зала. На миг мне стало страшно — вот она, великая сила искусства!..

Моя деревянная шпага оказалась чуть длинноватой и чиркала по полу. Но я не захотел ее подпиливать — так, мне казалось, я буду выглядеть гораздо солиднее!

Я выхожу на середину сцены и произношу: «Я жизнь свою в булавку не ценю...» Стараюсь при этом глядеть на Женьку, чтобы она поняла всю глубину моей любви и преданности.

На сцене я вдруг почувствовал, что и в самом деле преображаюсь, что я — Гамлет! А вскоре и про Женьку забыл... Всё ушло в сторону, я слышал лишь волшебные слова пьесы. Сам говорил нарочитым баском и слушал, что мне отвечает бледнолицая, любящая меня Гертруда, что лепечет над моим ухом бездарная Валя-Офелия, участвующая «ради славы» во всех школьных концертах... Тоже мне, примадонна!..

НАШИ АРТИСТЫ

Валя на сцене томно обмахивается самодельным веером, голос у нее тонкий, жеманный, неожиданно резкий. Словно удары кнута. Артистки настоящие разговаривают плавно, изящно, старательно выговаривают каждый звук.

А еще эта Валя-Офелия в дела режиссерские то и дело вмешивается, поправляет Сергея Петровича, спорит с ним. И сама беспрестанно что-то выдумывает: «Ах, я в неправильной интонации произнесла реплику... В следующем эпизоде мне следует смотреть влево...» Прямо-таки примадонна, можно подумать, всю жизнь эта Валя провела на сцене.

А когда драмкружок только начинал работу, будущая Офелия так тянулась вперед с подня-

той рукой, будто собиралась выйти к доске и получить пятерку...

То ли дело королева Гертруда! У Женьки мягкая походка и голос вкрадчивый, сочный, наполненный оттенками взрослой речи. Будто большая скромница, держится в тени. Спокойный взгляд внимательных серых глаз. Есть твердость, загадочность в её чуть задумчивом взгляде. Во взрослом старинном наряде королевы она необыкновенно хороша.

Я смотрю на Женьку, то есть на Гертруду, и невольно вздыхаю: ради такой женщины можно пойти даже на «политическое» преступление — так по ходу пьесы и получается!

На недавнем праздничном утреннике Женька изображала Бабу Ягу. Никто из девочек, участвовавших в новогоднем представлении, не согласился играть роль вредной старухи. А Женька согласилась. И Баба Яга из нее получилась замечательная, она плясала в хороводе с малышкой вокруг елки.

Дети из младших классов поглядывали на Бабу Ягу со страхом и в то же время заворуженно: что-то она сейчас выкрикнет, что-то сделает... Неужели она — та самая Баба Яга из сказки?

Малыши ее сразу полюбили, хотя по сценарию она должна быть злой и всех пугать. Баба Яга совершала «злые» поступки, но всякий ее жест вызывал лишь хохот зрителей и участников представления. Платье Бабы Яги было сплошь в разноцветных заплатках и в то же время забавное, даже чуточку нарядное. Раскрасневшееся симпатичное лицо Женьки было испачкано черной краской и все равно оставалось юным. Из-под напущенного на лоб платка в горошек выбивалась льняная кудель парика, щеки розовели молодо и весело.

Я смотрю на Женьку и в который раз приходил к выводу: в таких веселых и простых девушек всегда влюбляются! На таких женятся!

Толя Коровин, старательный парень, изображает попеременно призрака отца Гамлета и Фортинбраса. Застенчивый, с тихим неуверенным голосом. Призрак и почти одновременно «норвежский генерал» в спортивных кроссовках! С трудом выдавливает из себя слова, положенные по роли.

Немногочисленные зрители во время репетиций над ним посмеиваются.

Сергей Петрович часто делает ему замечания: «Говори громче, Толя! Шагай по сцене увереннее, твой взгляд должен быть мужественным!»

Однажды Толя явился на репетицию в отцовских кирзовых сапогах — решил, что так солиднее. Протопал по сцене — пыль столбом!

Лицо ему намазали пудрой — призрак как-никак! Глядя на него, ребята давились со смеху. Сергей Петрович распорядился заменить грим. Вместо мела — маска из бумаги. Корвин сам вырезал ее ножницами, разрисовал черным фломастером. Появился в этой маске на сцене, неуклюже прошелся взад-вперед. Маска выглядела страшно, никто уже не смеялся. Даже Сергей Петрович некоторое время молча глядел на актера, затем неуверенно кивнул — вроде бы годится!

Валя принесла на репетицию пластмассовые тюльпаны. По сценарию в руках у Офелии должен быть букет полевых цветов. Но Валею это не устраивало — маленький букет плохо заметен в руках. Ей пытались объяснить, что к чему, но Валя обиделась: «Вы, дураки, ничего не понимаете в искусстве, и Шекспир ваш ничего в искусстве не понимает!..»

Так она минут пять выкрикивала в зал, словно какая-нибудь заслуженная артистка. Зевачи, всегда присутствующие во время репетиций, только этого и дожидались. Их хлебом не корми — дай кого-нибудь подразнить.

Валя, взглянув на Полония-Алика, звонко рассмеялась: «Такой горбатенький, хмуренький! Какая интересная жиденькая борода! Эх ты, жалкий горбун Полоний!»

У нее нет ни капли сочувствия к образу отца. А еще считает себя великой артисткой...

— Я не жалкий! И не горбун!.. — вскинулся Алик.

Огорченный Алик ушел за кулисы, сел на табурет. Я подошел к нему, постарался его успокоить.

Алик шмыгал носом и едва не плакал, обещал так сыграть свою небольшую роль, что все удивятся. Перед зрителями возникнет не затюканный мальчишка с наклеенной бородашкой, а яркая современная личность, удивительная душа, скрывающаяся под средневековым бархатным камзолом. Он, Полоний, не позволит шайке авантюристов взять власть в великолепной стра-

не, изображенной Шекспиром в «Гамлете»! Он, Алик-Полоний, докажет, что миром правят мудрецы. От судьбы, конечно, не уйдешь, однако Полоний по-своему, пусть даже излишне хитро, бросает ей вызов. Он желает добра своим детям. Его наставление Лаэрту следовало бы выучить каждому молодому человеку, вступающему в самостоятельную жизнь.

Валя даже на сцене требует к себе повышенного внимания.

«Офелия, о нимфа!» — я выговариваю эту фразу с затененным презрением, почти с ненавистью.

Валею бесит такое к ней отношение. Она отмечает условности сцены и полагает, что я и в пьесе должен любить ее по-настоящему, как в жизни. Но что поделать: я ее не люблю, ни в реальности, ни в воображаемой сценической действительности. Иногда мне становится жаль эту девчонку, и тогда мой Гамлет смягчает тон, смотрит в глаза Офелии совсем по-другому, почти по-домашнему...

«Разве Офелия сама по себе, как героиня великой пьесы, не достойна восхищения и одновременно жалости? Разве этот образ, пусть даже и воплощенный бездарной Валею, совсем меня не трогает?» — размышлял я.

Валя, словно читая мои мысли, подошла ко мне и, глядя прямо в глаза, спросила:

— Почему ты смотришь на меня с таким презрительным видом? Я что, плохо играю свою роль?

— Да нет... — замялся я, не в силах скрыть свое отношение.

Офелия обиженно шмыгнула носом. Когда Валя гневалась или обижалась, в ней появлялось что-то настоящее, искреннее.

— Подумаешь, гений выискался! — с презрением смотрела на меня Валя. — Я сделала так, что во время выступления зрители будут смотреть не на тебя, а на меня!

— Да ради бога... — проворчал я. Мне уже стали надоедать «театральные» интриги.

Тут неожиданно на сцену выскочил Алик, споткнулся о свою бутафорскую шпагу, но никто не засмеялся, потому что Полоний неожиданно для всех заступился за Валею:

— Ты, Сашка, из-за своей роли Гамлета совсем зазнался! Валя старается, она талантлива, разве ты не видишь?

— Тут, на сцене, одного старания мало... — пробормотал я извиняющимся тоном.

— Ты в игре на сцене должен подстраиваться под Ваю!

— Не собираюсь я ни под кого подстраиваться!

— вспыхнул я. — Ты же знаешь, что Гамлет сам по себе, он хозяин своей судьбы! И вообще, кто ты здесь такой? У нас, кажется, режиссер есть...

— В этот момент я вопросительно взглянул в сторону Сергея Петровича, который о чем-то задумался. Но, взглянув на нас с Аликом, учитель примиряюще улыбнулся.

— Не ссорьтесь понапрасну! — сказал режиссер и почему-то вздохнул. — Споры допустимы, но ругаться и ссориться в нашем драмкружке я запрещаю!

С каждой репетицией роль все больше захватывала меня, я почти без запинок произносил свой монолог. Однажды с задумчивым лицом и доброжелательной улыбкой я подошел к Женьке и с иронией в голосе назвал ее «мамочкой».

Женька, смущенно улыбаясь, подала мне руку, якобы для поцелуя. Я на секунду растерялся, но все же взял ладонь и, поднеся совсем близко к губам, будто бы поцеловал — не ладонь, а воздух. Со смешным причмокиванием. Но Женька юмора не поняла и, кажется, слегка обиделась. Женька-Гертруда вздохнула — ей, наверное, хотелось, чтобы я поцеловал ее руку по-настоящему. Но я постеснялся.

И вновь уверенный, чуть вкрадчивый голос Гамлета гневно и страстно разносится под фанерными сводами школьной сцены.

Алик на всякий случай тоже вызубрил роль Гамлета и всегда был готов подменить меня — вдруг я заболею или вздумаю сбежать из драмкружка.

Валя старается произвести впечатление гримасами красивого лица, взмахами тонких изящных рук, движениями гордой головы, украшенной тщательно завитыми локонами. Но вместо загадочной Офелии все видят капризную поселковую барышню.

До премьеры еще далеко, а Валя уже сшила для спектакля дорогое платье, принесла его всем показать. Молча вошла на сцену, подняла на руках как можно выше — платье, сшитое из тонкого материала с кружевной отделкой, закачалось в сумеречном воздухе словно живое, напо-

миная о той, истинной Офелии, которой оно магическим образом принадлежало.

Я неотрывно смотрел на это чудесное платье, и слезы вдруг выступили на моих глазах — так мне вдруг стало жаль ту далекую таинственную Офелию, жившую когда-то в загадочной Дании.

И я понял, зачем нам нужен спектакль «Гамлет» — он поможет нам подняться над суетой, и тогда, возможно, что-то истинное проблеснет в душах актеров и зрителей.

Я Гамлет. Я одинок, выхожу на сцену, чтобы бросить вызов несправедному миру!

Офелия — образ возвышенной, ушедшей в свое личное переживание женщины. Она либо есть, либо ее нет. Офелия уходит со сцены, и вместе с ней исчезает тайна. Все бы хорошо, но почему так тускло сияет эта тайна в словах неумелой провинциальной актрисы по имени Валя?

— «Зачем ты, нимфа, озлобляешь сердце?» — произнес я фразу Гамлета.

— Сам дурак! — ответила Валя и с обиженным видом покинула сцену.

Я, ОТЕЦ И АВТОМОБИЛЬ

Возвращаясь в сумерках домой, думал о Гамлете. До чего же умный этот принц! Сказал так, будто заглянул в наше время со всеми перестройками и перестрелками.

Отец был дома, он сидел за столом и просматривал ворох газет, пришедших за минувшую неделю. Прочитав сообщение о повышении тарифов на газ и электричество, отец скомкал газету, яростно зашвырнул ее в угол.

Я, остановившись у порога, вскинул картинно руку и произнес фразу из пьесы Шекспира:

— «Погублен век! Будь проклят он!»

— Это ты точно заметил... — проворчал отец, смахивая с колен обрывки газеты.

Неожиданно разговорились о Гамлете. «Мест не нужна!» — к такому выводу пришли мы с отцом, сидя на диване у включенного телевизора.

Отец от души рассмеялся, узнав, что Валя мечтает достать к премьере настоящую позолоченную корону. Экая тщеславная девчонка! Ведь корона даже по ходу пьесы ей вовсе не нужна.

Отец сказал, что обязательно придет на премьеру.

Я встал посреди комнаты и с выражением прочел монолог Гамлета.

Отец внимательно выслушал и одобрительно кивнул головой: «Давай старайся! Если артист из тебя не выйдет, будешь как я — дальний бойщиком!»

Тут я вспомнил, что нам в школе задали сочинение на тему «Мой отец». А он как раз ненадолго заехал после рейса домой. Завтра с рассветом ему опять надо собираться в путь. Огромный автомобиль-фура замер возле окон дома.

— Отец, слушай, ты мне здорово нужен... Как это зачем? Почему ты так удивлен? Да, ты мне сегодня очень понадобился, мне просто без тебя не обойтись. Видишь ли, в чем дело: всему нашему классу задали писать сочинение. Трудную тему дали, не знаю даже, как и подступиться...

— Я-то здесь при чём? Лучше расскажи еще чего-нибудь о своем «Гамлете»!

— С пьесой все нормально, мне за главную роль Сергей Петрович поставил пятерку, а Вальку-задаваку, она же Офелия, он собирается снять со спектакля — слишком из себя воображает, а таланта с гулькин нос. Собирается заменить её другой, более скромной девочкой.

— Но это же действительно «трагическая» ситуация! — усмехнулся отец. — По-моему, ваш Сергей Петрович попал в безвыходное положение... От Вали ему трудно будет отделаться...

— Я тоже так думаю. Впрочем, Офелия и по сюжету слегка придурковата, так что и Валя в этой роли вполне сойдет... Ну, давай, отец, рассказывай о себе, а я буду записывать твои слова в тетрадку!

— А что говорить? Я шофер, своей работой доволен... Придумай чего-нибудь сам, а я пойду спать!

— Нет, батя, на этот раз тебе не отвертеться — будешь отвечать на вопросы! Знаю, ты мне уже говорил, что ты не Гоголь, что окончил всего лишь восемь классов, что ты занят, устаешь... Но вся штука в том, что задали не простое сочинение, не про какого-нибудь Онегина, а про тебя! Короче говоря, должен я накатать про тебя странички четыре, а если поднатужусь, то и все шесть выйдут. Наша учительница любит длинные сочинения... Пустяки, говоришь? Как бы не

так! В этом сочинении не соврешь. Это тебе не какое-нибудь «Как я провел лето в деревне».

— Как напишешь, так и напишешь... Что ж теперь... — ворчит отец и зевает, прикрыв рот ладонью.

— Напишу непременно. По сочинениям я всегда иду на четверку... Пока ты был в рейсе, я не сидел сложа руки, накропал кое-что на листке бумаги. Вот послушай, как я начинаю: «Мой отец — отличный человек». Ну что ты машешь руками? Почему звучит нескромно?.. Ладно, так и быть. Переправлю слово «отличный» на «хороший»... Продолжаю: «Он, мой отец, отзывчивый и добрый. На работе характеризуется положительно. Трезв в семье и в быту...» Ну, слушай дальше: «Работает он на автомашине марки «Вольво»-фура, ездит на дальние рейсы. Содержит машину в образцовом порядке. Он ездит на ней в дальние рейсы. Кого попало в дальний рейс не пошлют! Требуется надежный опытный человек. За эти рейсы неплохо платят, и мы живем хорошо, у нас есть свой автомобиль «Лада» последней модели...»

Отец сидит в кресле и делает вид, что слушает, глаза его слипаются.

— Ты слушаешь, отец? По-моему, ты дремлешь. А я-то читаю, стараюсь... Устал, говоришь? Я понимаю, что работа у тебя нелегкая, но сегодня мне без тебя никак не обойтись. Дело в том, что я плохо знаю твою биографию. Когда нужно передать на бумаге твой характер, ум и доброту, то меня будто прорывает, слова сыплются как горох. Но как только требуется подставить факт из твоей жизни или дату, у меня руки опускаются... Скажи, например, как называлась деревня, в которой ты родился? Малиновка? Хм... Симпатичное название... Прямо как в кино. Не про вашу ли деревню фильм? Нет? Жаль, иначе бы я это как-нибудь выделил... Кем был твой отец, мой дедушка? Тэк-с... Колхозником, значит... Записываю. Работать ты пошел сразу после восьмилетки, был ударником на стройке, затем выучился на шофера. Что-то скучновато получается... Да не спи ты, отец! Рассказывай про себя! Все выкладывай! Ты завтра опять на работу уйдешь, а мне что делать? Как я буду писать сочинение, если я про тебя ничего не знаю? Давай, отец, говори, я записываю. Трудовых наград не имеешь, порт-

рет твой иногда висел на досках почета, но я люблю тебя и такого, негероического. Называй мне все важное, что было в твоей жизни, а я уж постараюсь сделать из тебя настоящего героя. Напишу как следует, не волнуйся. Тебе не придется краснеть за сына — у меня по сочинениям стабильная четверка. Ну, давай, отец, говори!..

Но он уже спит. Мать его будит, просит пойти на кровать.

Отец встает, смотрит на меня усталыми, но веселыми глазами:

— Я недавно отвез одному фермеру груз кирпичей, а у него денег пока нет, он завтра привезет двух поросят вместо платы.

— Зачем нам поросята зимой? — всплескивает руками мать. — У нас же все сараи холодные, куда девать этих крошек?

Отец кивает на меня:

— Он куда-нибудь их пристроит...

— Куда? — продолжает ворчать мать. — От них по всему дому вонь пойдет!

— Ничего, до весны потерпим... — Отец повернулся ко мне. — Завтра ты, господин артист, возьмешь в сарае доски, какие покороче, несколько брусков и сколотишь где-нибудь в прихожей загон, пусть наши хрюшки живут в доме до весны.

Больше он разговаривать не может, кое-как раздевается на ходу, плюхается в кровать и почти мгновенно засыпает мертвым сном.

ПОРОСЯТА

Действительно, дня через два фермер привез на своем потрепанном вездеходе двух маленьких поросят. Он схватил их за задние лапы, словно кроликов, и понес к нам в дом. Пустил их в комнату, усмехнулся, дал несколько ценных советов по уходу и кормлению и уехал. Поросята с любопытством ходили по комнате, тюкали копытцами по деревянным половицам.

Я принес доски, бруски, молоток с гвоздями. Делать отдельный загон мне было лень, и я просто обил кухонный стол с трех сторон досками, пригородив с узкой стороны что-то вроде дверцы.

Загон находился рядом с отопительным газовым котлом. Там поросятам будет теплее.

Мать принесла откуда-то сена, постелила

его в загон, затем водворила туда поросят. Спустя минуту малыши с аппетитом уплетали из маленького тазика остатки каши с молоком, жадно чавкали, повизгивая, толкали друг друга, залезали в тазик копытцами и, в конце концов, опрокинули его вверх дном — мутная струйка молока потекла по полу.

Вскоре потекли и другие, более духовитые струйки, в комнате появился характерный запах свинофермы.

Мама сказала, что завтра пойдет на ночное дежурство в больницу и мне придется не только кормить поросят, но и чистить за ними загон. А еще она сказала, что в сарае есть небольшой запас сена, его надо приносить в дом, ждать, пока сено согреется, затем уже менять поросятам подстилку.

С того дня я часто кормил поросят и убирал за ними. Они весело похрюкивали и были вполне довольны такой жизнью, я делал за этим же столом уроки, читал и сочинял фантастику, которой в то время увлеклся. В другой комнате у меня тоже стоял стол, но он был заставлен радиоприборами — я часто чинил соседям приемники, телевизоры и прочую аппаратуру.

Иногда к нам домой прибежали Женька или Алик, соседи отдавали нашим питомцам остатки еды.

Женька, войдя в комнату, машинально чмокала меня в щеку, при этом смешно морщила свой веснушчатый нос:

— Фу, как воняет! Почему не проветриваешь помещение?

И сама раскрывала дверь в сени, подперев ее табуреткой. В комнату валил холодный воздух.

Оглядев нашу скромную домашнюю обстановку, Женька вздохнула, затем внимательно смотрела на меня — дескать, ну какой ты жених, если у тебя даже шкафа приличного нет?

И, еще раз чмокнув меня в щеку, убегала домой.

Однажды во время такого «дежурного» поцелуя я попытался ее обнять и поцеловать в губы, но она вырвалась и с какой-то сердитой улыбкой взглянула на меня:

— Ты что, очумел?..

И быстро убежала, а я смотрел через окно на ее тонкие, но уже вполне женские ноги в чуть обвисших чулках в полоску...

ВИЗИТ ВАЛИ

Однажды ко мне домой без всякого предупреждения и приглашения пришла Валя. Она была чем-то взволнована, но старалась казаться веселой и бодрой, с мороза щеки ее покраснели румянцем, отчего она казалась еще более красивой, чем в школе.

— Ты чего, Валя? — спросил я.

— Ничего... Сто раз напрашивалась к тебе в гости, а ты все не приглашаешь... И сам ко мне не идешь... Вот я сама и пришла!

— Зачем? — угрюмо переспросил я.

— А затем, что мне надо списать у тебя самостоятельную работу по математике. Я ничего в ней не понимаю!

— Но ты ведь всегда списываешь у меня домашние работы в школе, перед уроком.

— А эта работа большая, боюсь, в школе не успею списать... А тебе жалко показать мне эти несчастные задачки? Ведь ты наверняка их уже решил.

— Решил... Ну, ладно, проходи, раздевайся!

Валя сняла куртку, шарф, белую пушистую шапочку и тотчас сморщила носик, озираясь по сторонам, но пока еще не видя источника резкого запаха.

— Ну, чего встала? Проходи!.. — я хмуро стоял возле стола, скрестив руки на груди и загораживая собой поросят, тюкавших копытцами под столом. Малыши аппетитно чавкали — я только что дал им еду.

— Кто там? — Валя, приоткрыв рот от любопытства, заглянула через мое плечо, увидев поросят, засмеялась. Щеки ее от жаркого и душного воздуха в комнате побледнели.

— Как же ты будешь тут списывать уроки, если у меня в доме живут поросята! — возмущенно и с огорчением продолжал я, указывая рукой на загон.

Валя с улыбкой смотрела на двух беспокойных хрюшек, почуявших чужого человека и беспокойно толкающихся в тесном закутке под столом.

— Ой, какие хорошенькие! — воскликнула Валя непритворно, затем сняла варежки, подошла ближе, подергала малышей за уши и хвосты, поросята повизгивали и резко вырывались. Валя удивилась, что у поросят уши горячие.

— У поросят всегда так! — с неохотой объяснил я. — У животных температура тела всегда выше, чем у человека.

Валя неожиданно замурлыкала какую-то мелодию и, глядя на поросят, начала пританцовывать по полу в шерстяных носках — свои высокие сапоги она сняла.

Я немного успокоился: Валя своя, сельская девчонка, хотя она, как теперь говорят, из богатой «торговой» семьи.

Она снова беспричинно засмеялась, спросила:

— А где твой стол, за которым ты делаешь уроки?

— В той комнате... — вздохнул я, сообразив, что от Вали мне сразу не избавиться. И тогда я решил пойти на хитрость. — Может, ты, Валя, возьмешь тетрадку по математике и спишешь дома?

Но Валя на это не была согласна, она уже сняла пальто и повесила его на вешалку. Она решила остаться!

Только сейчас я заметил: на ней темные колготки с необычным узором, на одном поехала нитка — это сделало ногу Вали еще стройнее, особенно в тот момент, когда она встала на цыпочки, дотягиваясь до вешалки, — приоткрылось округлое красивое бедро.

Я невольно вздрогнул, щеки мои загорелись. Мысли спутались, в груди стало горячо, а глаза затуманились. Чтобы Валя не догадалась, что я за ней подглядываю, поскорее отвернулся.

— Мог бы за мной и поухаживать... — тихим голосом и как-то задумчиво произнесла Валя.

Она повесила куртку и обернулась ко мне — такая же яркая, веселая, как и в школе, но уже слегка загадочная, с какой-то блестящей тайной в глазах. Валя смотрела на меня, и я находил на ее щеках и лбу какие-то новые, прежде не замеченные мной крошечные темные родинки, ничтожные прыщики на белой коже...

— Ну, что стоишь как очумелый? — весело воскликнула она. — Я давно хотела прийти к тебе в гости, только ты сам не приглашаешь, а на все мои просьбы лишь отнекиваешься... — ласковым домашним голосом ворчала она. — А еще одноклассник называется!

Мы прошли в другую комнату, отделенную от первой, где находились поросята, фанерной перегородкой.

— Даже тут вонь!.. Хотя запах гораздо слабее. —

Валя забавно сморщила свой чуть круглый, почти детский нос и повернулась ко мне. — И еще здесь чем-то жженым пахнет.

— Это паяльник! — пролепетал я. И тут же заметил, что жало паяльника свалилось с подставки в канифоль, которая от этого плавила, дымилась и воняла, перебивая запахи поросячьего хлева.

— Зачем тебе паяльник? — спросила Валя.

— Ремонтирую радиоприемник.

— Кто же сейчас слушает радио — нормальные люди смотрят телевизор!

— Приемник принес дед Федосеич. Аппарат старинный, я его отремонтировал. Осталось чуть-чуть... — забыв на минуту о Вале, я допаял последний проводок, воткнул шнур питания в розетку, покрутил ручку настройки — полилась нежная лирическая мелодия.

Валя зааплодировала:

— Я и забыла, что ты не только знаменитый на весь поселок «Гамлет», но еще и занимаешься в кружке «Умелые руки»... Убирай со стола этот хлам! Мы здесь уроки будем делать!

«Я-то буду делать уроки, а ты будешь сдирать у меня домашние задания!» — сердито размышлял я. Вдохнул, убрал паяльник.

Радиоприемник пришлось выключить и спрятать под стол. Стало тихо, из соседней комнаты доносилось похрюкивание поросят. Я их недавно покормил, сейчас они заснут на охапке сена.

Я сдвинул со стола разный хлам, постелил газету, снял с полки учебники, тетради. Теперь можно делать уроки.

Валя уже сидела на стуле, я примостился сбоку на кровати. Наш дом маленький, старинный, отец помаленьку копил деньги, чтобы построить новый, уже блоков для фундамента заготовил, несколько штабелей кирпича.

Валя словно читает мои мысли:

— Построишь новый просторный дом, и мы с тобой поженимся! — сказала вроде бы в шутку, в то же время в голосе ее прозвучала нотка серьезности.

— С какой же радости мне на тебе жениться? — возразил я сердито, наблюдая за медленным движением Валиной руки, списывающей задачу. — Мне еще в армии надо послужить, потом буду поступать в радиотехнический.

— Из армии я тебя дождусь, в институте можно

учиться заочно. Мой папа устроит тебя на хорошую работу. Мы с тобой ничего не будем делать, поедем отдыхать в какой-нибудь Таиланд!

Ну что сказать глупой девчонке? Я вздохнул и промолчал.

Валя в ответ нахмурилась, движения ее руки с зажатой авторучкой стали порывистыми, почерк совсем испортился.

Оттого что я сидел на кровати, делать уроки мне было неудобно, но я довольно быстро решил вторую задачу. Валя, старательно прикусив губу, списывала изложение по русскому языку.

Тишину нарушало лишь посапывание поросят. И запах от них уменьшился, из прихожей более явственно доносился теперь аромат теплого сена, ворохом наваленного в углу.

Глаза мои невольно скашивались, заглядывая под взбившееся вверх Валиной платье, из-под которого торчал все тот же блестящий чулок. «Это еще что за «концерт»?» — подумал я. И поскорее отвел взор, чтобы Валя не подумала, что я опять за ней подглядываю. Но в таком положении, как бы я ни отодвигался к окну, мне всё равно было всё видно и взгляд мой невольно упирался в Валины колени.

«Неужели она все это мне специально показывает? — думал я. — Девчонки иногда на такое способны...» Наконец она как бы невзначай поправила юбку, и я с облегчением перевел дух — задача по математике решилась довольно быстро.

Уроки были готовы. Но Валя, вместо того чтобы идти домой, попросила чаю. Вот те на!

— Какой тебе еще чай? — сердито воскликнул я. — Разве ты не видишь, что у нас дома живут поросята?

Ради наглядности я вытащил одного поросенка за заднюю ногу. На сей раз голосистый Пискальчик терпеливо молчал, поглядывая на Валу снизу черным глазом, забавно помаргивал белесыми ресницами. Его братец по кличке Хрюндель тарасился на нас обоих, поочередно переводя взгляд с Вали на меня, и тоже моргал.

Наступила минута молчания. Валя обиженно надула губы, а я сделал вид, что поглощен заботой о поросятах. Пискальчик, недоуменно похрюкивая, тихонько подергивался, стараясь высвободиться из моей руки, ножка его была горячая, покрытая нежной младенческой шерстью.

— Я тоже небось не в городе живу... И у нас есть поросята, только они уже большие и живут в сарае... Давай грей чай!

Делать было нечего: я отпустил поросенка в загон, и он принялся там бегать, с визгом толкая братца, малыши разыгрались не на шутку — доски загона трещали от ударов небольших плотных тел.

Я поставил на газовую плиту чайник, синий огонек от конфорки окрашивал вечернюю комнату загадочным светом. Затем включил электрическую лампочку, помыл руки.

Валя, игриво оттолкнув меня круглым плечом от крана, также сполоснула свои аккуратные белые ладошки.

Полотенце, висевшее на коровьих рогах, оказалось не совсем свежим, и я развернул его чистой стороной.

— А зачем здесь рога? — поинтересовалась Валя.

— Примета такая — в доме не будет водиться нечистая сила.

— Что за глупости? Кто тебе такое сказал?

— Древняя народная примета, коровьи рога достались нам от наших предков!

Валя недоуменно пожала плечами и больше про рога не спрашивала.

На плите зашипел чайник, я нашел в буфете какие-то завалывшиеся пряники. Поставил сахарницу, принес маленькие ложечки. Сели пить чай.

Поросята за месяц, что жили у нас, подросли и могли дотягиваться рыльцами до стола. Один из них, Хрюндель, украл Валин пряник — вырвал его прямо у нее из руки.

Взамен пряников я достал несколько маленьких засохших баранок-сушек, две из них тотчас стащили поросята, с хрустом слопав. Валя от души смеялась, угощала поросят, которые то и дело становились копытцами на стол, высовывая свои забавные рыльца.

Моя одноклассница оказалась небрежливой, она ловко раздавала поросятам то пряники, то ловко шелкала их по пяточкам — поросята взвизгивали, ныряли на секунду под стол, затем вновь повторяли маневр, норовя украсть со стола всё, до чего могли дотянуться.

Валя смеялась, не спеша допивала чай, хотя я свою чашку давно опорожнил и в нетерпе-

нии поглядывал на Валию — когда же эта взбалмошная девчонка уйдет?

ВЕСЕННИЕ ЗАБАВЫ

Уже в мае, когда стало тепло, в поселке открылась дискотека.

Я приходил туда, смотрел через изгородь, как Женька лихо отплясывает со взрослыми парнями. Мне было смешно — движения танцоров были похожи на топот пьяных мужиков на свадьбе, я даже иногда глаза прикрывал, чтобы мысленно сравнить эти две картины.

Подходила к забору Валя, останавливалась рядом со мной:

— Хочешь, мы тоже пойдем с тобой на дискотеку?

— Не хочу.

— Со мной не хочешь или просто?

— Просто...

Темноволосая красавица поворачивается ко мне раскрасневшимся лицом:

— Почему ты любишь ее? Почему ты все время смотришь на эту Женьку, ведь она рыжая, обыкновенная, даже некрасивая... Посмотри лучше на меня! Разве ты не видишь, какая я? Половина всех поселковых парней в меня влюблена! — она гордо вскидывает голову.

Ничего не скажешь, действительно хороша!

— Ну, посмотри же на меня... Посмотри! Она, твоя Женька, конопатая, а я — я вся белая, лицо у меня белокипенное! — так говорит моя бабушка, а волосы у меня пушистые, погладь их...

Она торопливо взбивает обеими руками свои пышные, похожие на конскую гриву волосы, тянет меня за ладонь, чтобы я прикоснулся к темным, как смоль, и слегка вьющимся прядям.

Действительно, по сравнению с коротко стриженной Женькой наша Валя — красотка с обложки журнала!

— Разве любят только за красоту? — спрашиваю я.

Валя потупляет взор.

— Ну, поцелуй же меня...

Я ощущаю аромат её пахнущих майской прохладой волос, вглядываюсь в огромные, шоколадного оттенка глаза, беру Валию за пле-

чи, привлекаю ее к себе... Но Женька с танцплощадки все видит, она с улыбкой грозит мне пальцем, на котором откуда-то появилось золотое колечко...

Я отстраняюсь от Вали.

— Да ну тебя, Валька! — восклицаю я каким-то не своим голосом. — Дружи со своими парнями, если они тебя так любят... Что такое красота вообще? Да ничто. В человеке должно быть что-то таинственное, привлекательное! Любят не за красоту, а за что-то другое, чему нельзя найти слов...

Валя закрыла лицо ладонями, отошла в сторону. Кажется, она заплакала. Я ее не успокаивал, потому что понимал неудачу своей первой любви. Женька меня не любит, просто не любит! Это очень печальный факт!

ИГРА В ЛАПТУ

По весне, когда на бывшем деревенском выгоне подсыхала земля, ребятня со всей улицы собиралась здесь поиграть в лапту. Я всегда считался хорошим игроком — метко бил по мячу и быстро бегал. Бах! Упругий мячик взмывает в небо, повисает там крохотной точкой, затем стремительно снижается на край лужайки.

Зачем-то пришла Аликова сестра — тоже решила поучаствовать в игре. Женька с раннего детства любила играть в лапту. Когда она попала в мою команду, игра почему-то шла насамарку. Я мазал по мячу, не успевал вовремя добежать до «кона», соперники часто «салили» меня подобранным в траве мячом. Зато бегают Женька быстрее меня. Вот и сейчас она опять меня обгоняет, с улыбкой оборачиваясь на ходу. Взрослое лицо подростковой рыжей лисицы. Я мчусь за ней изо всех сил, ее легкое платье развевается на бегу, будто кипит.

На игру она всегда выходила в каком-нибудь светлом платьишке, и сейчас выбрала короткое в мелкую полоску — оно открывало ее ноги выше колен, особенно сейчас, когда бежала, в который раз доказывая, что она — чемпионка школы по бегу. Мелькали длинные, чуть загорелые ноги.

Но вот я приготовился бить по мячу. Вдруг заметил, что она остановилась сзади, снова гото-

вая рвануть с места при первом же моем ударе по мячу, но оказалась слишком близко, я чувствовал на своей шее ее теплое порывистое дыхание.

— Отойди! — обернулся я. — Зашибу...

Я был весь в игре, и она могла помешать, потому что, когда бью по мячу, размахиваюсь очень широко. Мои удары неповторимы, я меток и точен, недаром меня всегда выбирают капитаном!

Она усмехнулась и, гордо подняв голову, поправила алую ленточку, стягивающую волосы, кажется, отступила на полшага.

Я ударил по мячу, но промахнулся, длинная палка, заструганная до круглости, впрочем, не такая тяжелая, как настоящая бита, напоролась на что-то близкое и мягкое. Женька, рванувшаяся было бежать, будто на стену натолкнулась на мою палку, покачнулась и то ли упала, то ли села на траву, закрыла ладонями лицо, онемев от ужаса и боли, из-под ее пальцев тонкими струйками потекла к подбородку кровь... Затем она повалилась на молодую зеленую траву.

Я стоял над ней совершенно растерянный с битой в руках, не зная, что делать. Из-под ее ладоней текла кровь, смешанная со слезами.

— Дура! — воскликнул я громко, стараясь показать ребятам, что я не потерял самообладания. — Куда ты лезла? Ведь я тебя сто раз предупреждал — не подходи!.. Могла бы отойти всего на полшага...

Но я почему-то все равно чувствовал себя виноватым.

Неожиданно почувствовал, что и сам тоже плачу. Я быстро опустился на колени и с необъяснимой брезгливостью погладил ее по горячей, трясущейся от рыданий голове, по спутанным волосам с выбившейся из них красной ленточкой. Рука моя тоже сделалась горячей, склизко-влажной, кровавой...

Вокруг гомонили испуганные ребята. От ближайшего дома спешила на помощь старушка с чистой тряпицей в руках.

Женя перестала кричать, лишь судорожно всхлипывала. Я помог ей встать, потащил за руку под колонку — умываться. Она на ходу пыталась выдернуть свою руку, порывалась куда-то бежать... Но я был сильнее, хоть она и десятиклассница.

Тут и чистая старухина тряпица пригодилась. Женькин нос после удара сделался круг-

лым, раздутым, один глаз совершенно заплаыл. Она достала из кармана кофты маленькое круглое зеркальце, взглянула на себя и снова отчаянно заголосила:

— Ты мне, идиот, нос перебил! — и добавила: — Не бойся, я никому не пожалуюсь!

— А я и не боюсь... — ответил я потухшим голосом. — Ты сама виновата, ты во всем виновата! Ты всю жизнь мучаешь меня и издеваешься надо мной!..

Женька с опухшим от удара и слез лицом как-то странно взглянула на меня, затем захохотала и показала на меня пальцем как на маленького:

— Посмотрите на этого чудака! Он меня любит!

Старушка тетя Клава кивала головой, словно что-то понимала и знала: любит, любит!

Женя пошла к дому и, обернувшись на ходу, показала мне язык... Три дня в школе ее не было. Но вот она вдруг объявилась на большой перемене с уже опавшим и припудренным синяком под глазом.

Женька подошла ко мне первая.

— Полюбуйся, как ты меня изуродовал! — сказала она своим всегдашним, чуть язвительным тоном, повертелась передо мной так и этак, словно манекенщица. На ней был новый свитер с рисунком в белую елочку. Он был очень ей к лицу и подчеркивал ее девичью фигурку. Пока она крутилась передо мной, развевалась и новенькая плиссированная юбка.

— Нос нормальный... — пробормотал я, с трудом преодолевая смятение. — В Греции у всех красавиц точно такие же носы!

Она как-то странно взглянула на меня, вздохнула и ушла в свой класс.

ЖЕНЬКИНЫ «КОНФЕТЫ»

Я сидел на уроке, радуясь, что история с лаптой закончилась более или менее нормально, и вспомнил вдруг, что, когда мне было пять лет, надо мной изрядно потешалась эта самая восьмилетняя в то время девчонка Женька.

Мягкая кошачья походка, вкрадчивый голосок: «Открой рот, закрой глаза!..»

Но я тоже хитрый, требую показать, что у нее в кулаке. Она охотно показывает: темная конфетка в виде шарика — такие продавались в то время

в магазине на развес. Спокойно закрываю глаза, открываю рот. И вдруг чувствую во рту что-то мягкое, духовитое, открываю глаза, выплевываю на ладонь овечий котяшок...

Я — в слезы. Женька меня успокаивает: «Хочешь посидеть у меня на коленках?»

«Не хочу, я не маленький!..» — «Ну, пожалуйста!..» — она раскидывает подол своего широкого платья. «Ладно!..»

Я поворачиваюсь и плюхаюсь задом ей на колени.

В тот же миг Женька с хихиканьем отодвигается — бах! — я сижу в свежей коровьей лепешке, вокруг — вонь свежего навоза, мои новые синие шаровары вмиг стали зелеными.

Плачу от обиды и унижения, кидаюсь в драку, но разве ее догонишь, длинноногую?

На следующий день у нас с Женькой мир, на сей раз она угощает меня вкусными пирожками с вареньем, заводит проигрыватель, звучат какие-то веселые песенки, она учит меня, пятилетнего карапуза, танцевать...

После неудачных для меня танцев Женька плюхает меня, словно мешок, на бревно и мы сидим отдыхаем, а музыка по-прежнему льется из открытого окна на летний простор.

Женька в тот момент кажется мне самой красивой девчонкой на свете, на ней свежее платье в цветочек, и сама она вся загорелая, шустрая. Машинально пытаюсь погладить ее по выгоревшим на солнце волосам, собранным под круглой пластмассовой расческой; ее светлое лицо в мелких веснушках лукаво морщится, Женька отстраняется, грозит мне пальцем, испачканным в повидле... Но это было так давно, что даже не верится, а теперь Женька — десятиклассница, на днях она заканчивает школу!

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

После уроков брели с Аликом усталые, как обычно, через спортивную площадку и вдруг увидели под кустом акации стол, покрытый зеленой, в белесых пятнах, скатертью. По сравнению с молодой травой скатерть казалась серой, пыльной и невзрачной.

— Что здесь такое? — Алик замедлил шаг.

Я подошел к столу и потрогал стеклянную

вазу, запотевшую от налитой в нее холодной колодезной воды, желтые душистые цветы, недавно сорванные, в росистых каплях — «барашками» называются. К середине мая они заполняют поляны на опушках. У этих цветов лесной влажный запах.

Тут же стояла фанерная трибуна. Такой трибуны я больше нигде не видел, только в нашей школе. Еще, наверное, до революции сделана, в церковно-приходские времена — вся составлена из ветхих планочек и фигурных фанерок, скрепленных в нескольких местах медной проволокой. Трибуна покачивается от легкого весеннего ветерка, вот-вот взлетит наподобие коробчатого змея. Опирается на нее локтями или наваливаться всем телом нельзя. Тяжесть тетрадки она еще выдерживала, но учебник сразу кренил ее набок.

Неподалеку, прислоненное к дереву, мерцало оголенным уголком зеркало, завернутое в мешковину. В уголке отражались кусок синего неба и маленькая сизая тучка.

— Так сегодня же последний звонок для десятиклассников! — вспомнил вдруг Алик. И почему-то вздохнул.

Я уговорил Алика остаться на торжество: как-никак его старшая сестра оканчивает школу.

— Знаю, готовится сеструха речь толкать... — проворчал Алик нарочито презрительным тоном. — Всю неделю готовилась, учила текст, заранее хлюпала носом... Вот и сейчас опять расплачется — видеть ее не хочу!

Тут вышли из дверей школы, степенно шагая парами, нарядные выпускники, все с букетами цветов. Парни в новых костюмах, девушки в белых фартуках. Выстроились в шеренгу, зазвучали негромкие голоса. Все по очереди говорили торжественные слова. Благоухали в букетах свежая сирень, черемуха.

Директор тоже произнес короткую речь. Он стоял за трибуной, стараясь не прикасаться к ней руками. А когда порыв ветра заваливал трибуну набок, директор успевал ее подхватить.

Затем родители выступали с торжественными напутствиями и благодарностями в адрес наших замечательных педагогов. Одна родительница, пытавшаяся по незнанию опереться на трибуну, опрокинула стакан с водой, залившей текст, написанный на листочке в клеточку.

Аликову сестру я сразу заметил. Женя вроде бы и не очень волновалась, прижала букет черемухи к груди, слушает рассеянно торжественные речи, тербит край белого фартука, улыбается задумчиво, склонив к букету голову. Глаза ее с первых же минут мероприятия заблестели от слез.

Аликова сестра всем нравилась, не могла не понравиться. Когда я слышал о ком-то — «хорошая, милая, простая девушка!» — предомной тут же вставал образ Аликовой сестры. Она никогда не задавалась, играла с нами в разные игры. И я с ранних лет любил ее странной детской любовью. Мне нравилось смотреть на ее веселое лицо, словно бы освещенное большими серыми глазами. Обыкновенная, не красавица, но что-то загадочное в ней несомненно было.

ЖЕНЬКИНА РЕЧЬ

И вот она, школьная активистка и спортсменка, начала произносить речь. Не выдержала — расплакалась, разрыдалась.

— «Люби... Ми... Шко... Про-ща-ща-щай!..» — передразнил ее Алик. — Смотреть противно. Вот выберут ее какой-нибудь депутаткой — она весь парламент слезами зальет!..

Он достал из кармана пластмассовую трубочку и начал обстреливать сестру комочками жеваной бумаги. Бумажная слизь прилипла к ее покрасневшим щекам — она машинально отскребала бумажные нашлепки тонкими пальцами, словно мух отгоняла.

Прощание со школой было для нее громадным событием, на все другие мелочи в данный момент она внимания не обращала. Но вот Женька все-таки повернула голову в нашу сторону, погрозила пальцем, улыбнулась: мол, такие большие, а балуетесь как дети!..

Мы с Аликом стояли возле зеркала. Оно было чуть запыленное и от этого казалось очень чистым, глубоким. В зеркале я видел краешек волейбольной площадки с белой новенькой сеткой, учительницу, выступающую с напутственной речью. Пожилая классная руководительница осторожно поглаживала краешек фанерной, подрагивающей от ее движений трибуны:

— Труд педагога сложный, но благородный!..

Казалось, эта ежегодно повторяющаяся речь заслуженной учительницы неким фантастическим образом тоже отражается в зеркале и устремляется в небо — хранилище всех речей.

Зеркало отразило стайку домашних голубей с крыльями кирпичного оттенка. Голуби порхали над спортивной площадкой, и шум от них был как от флагов, развеваемых ветром. Зеркало старательно выделило фиолетовые пятнышки на хмурой физиономии Алика — как раз на последнем уроке он разломал свою авторучку и вымазался нечаянно пастой.

Чьи-то руки подхватили зеркало и унесли сверкающий зеркальный мир, вручили его директору — подарок выпускников. Его поверхность отразила пожилое морщинистое лицо, белый пух по краям лысины. Благодаря зеркалу директор заметил и нас с Аликом, кивнул приветливо и прощающе: дескать, я знаю, что оба вы шалуны, но скоро тоже станете выпускниками и подарите школе точно такое же зеркало...

В нашем сельмаге продавались одинаковые зеркала, и каждый год выпускники, скинувшись деньгами, дарили на память школе такое же. Зеркала в одинаковых рамках висели в раздевалке, в учительской, а в кабинете директора их было даже два. Одни зеркала разбивались, другие пропадали, но кругооборот зеркал в нашей школе совершался неукоснительно.

Подбежала Аликова сестра, расцеловала нас обоих так стремительно, что мы не успели увернуться, обкапала слезами — сначала горячими, затем, как мне показалось, прохладными. Зато от Алика к ней на лицо перешли чернильные пятна.

— Да отстань ты! — осерчал Алик и швырнул на землю букет черемухи, который она ухитрилась ему всучить. Но она уже не обращала на нас внимания — целовала своих одноклассников.

Чернильные пятнышки, становясь все бледнее и расплывчатее, переходили на лица выпускников, дошли и до самого директора.

— Знал бы, что она такой «печатный станок», измазался бы сильнее! — произнес Алик вроде бы слегка шуточно и в то же время задумчиво. Ему, наверное, в какой-то мере передалось грустно-лирическое настроение сестры. — В следующий раз нарочно погуще намажусь...

— Кто же тебя поцелует, дурачок, в следующий-то раз? — вздохнул я. — Следующего раза уже не будет.

Она и мне подарила в тот день кустик белой душистой черемухи. Я принес его домой, поставил в банку и каждый день менял воду. Однако на четвертый день черемуха пожелтела и завяла.

ВЫСТУПАЕМ НА ПОЛЯХ

Училась Валя неважно, зато участвовала во всех концертах художественной самодеятельности. И на школьной сцене выступала, и в местном клубе. В ее репертуаре было несколько популярных песен. Голос у нее был не очень сильный, но приятный.

Я тоже записался в кружок самодеятельности при Доме культуры, но не ради Вали, а ради Женьки, которую также попросили поучаствовать в выездах творческой бригады на поля — Женя красивым сочным голосом читала стихи о природе, о том, как важно вовремя обмолотить хлеб в закрома Родины.

— Только уже не закрома «Родины», а в закрома новых «помещиков», хозяев развалившихся колхозов! — ворчал вечно сердитый баянист Курлыкин.

Это был парень лет двадцати восьми — высокий, худой, в очках с толстыми линзами, за которыми мерцали умные насмешливые глаза. Пышный чуб забавно и лирически покачивался во время игры, когда Курлыкин вдохновенно наклонялся к баяну.

С началом лета агитбригада районного Дома культуры колесила по полям, выступая с концертами на токах, полях, полевых станах и пастбищах. Агитбригада называлась «Рябинка» — все артисты были одеты в одинаковые ядовито-зеленого цвета костюмы с красными отворотами и манжетами.

Руководила агитбригадой пожилая и болезненная Зинаида Дормидонтовна, всю жизнь проработавшая, по ее словам, в «сфере культуры». Седеющие волосы ее были связаны в небрежный пучок, припиленный к затылку.

Она всегда куда-то торопилась, охала, стонала по малейшему пустяковому поводу. Летняя программа выступлений ее утомляла, от

бесконечной езды по полям у Зинаиды Дормидонтовны болела голова. В домашнем хозяйстве у нее была живность, которую надо было вовремя кормить — тут уж не до искусства. Знания, полученные лет тридцать назад в культпросветучилище, позабылись, речь ее стала сбивчивой и простонародной. Даже с трибуны, подглядывая в текст, написанный на бумажке, Зинаида Дормидонтовна говорила примерно так: «Куды ж нам, артистам, ищчо двигаться с энтой устарелой программой? Хватит издеватца над работниками культуры! Мы тут некоторые аж заслуженные... Чаво ищчо от нас хотять? И пачяму нас заставляють ездить в энти калхозы?»

Баянист в агитбригадовской «рябиновой» униформе казался тощим и старым, напоминающая своим видом и выражением лица швейцара захолустного ресторана. Ребята дали ему прозвище «Рябина на коньяке» — марка популярного в то время и сравнительно недорогого напитка. Курлыкин носил форму с видом рекрута, насильно призванного из высокого искусства в полуразбойную партизанскую армию. И форма у него с первых же дней помялась, покрылась сальными пятнами — он частенько отдыхал в ней в своем любимом уголке за кулисами, полеживая на ворохе старых «коммунистических» плакатов.

Во время поездок в колхозы Курлыкин сидел обычно на заднем сиденье и грустил, обхватив баян обеими руками и навалившись на него щекой.

Наш старенький клубный автобус целыми днями колесил по проселочным дорогам. Мелькали незнакомые деревни, рощи, овраги. Автобус трясся на выбоинах, в моторе что-то пищало, завывало, под сиденьями салона громыхали и перекатывались железяки, иногда довольно-таки чувствительно ударяя по пяткам, пачкая светлые босоножки девчат мазутом.

— Коля, убери отсюда свой ужасный домкрат, он нам все ноги поотбивал и нагрязнил! — ругались девчата на шофера. Но Коля лишь похихатывал и давал газу, от которого наш автобус начинал прыгать по кочкам с удвоенной силой. Зинаида Дормидонтовна всякий раз грозилась уволить шофера в тот же день.

На крутые холмы автобус выползал с великим трудом, раскаленный фыркающий мотор задыхался от немощи.

А когда автобус застревал в луже, мы выходили наружу и вытаскивали его из колеи всеми нашими артистическими силами. А потом снова ехали на полевой стан, спрашивая дорогу у случайных путников и пастухов.

Агитбригадовцы дергали Валю за косы:

— О чем мечтаешь, красотка?

Валя даже не оборачивалась, лишь отмахивалась вялым жестом ладони: отстаньте, мол, идиоты! Вот, дескать, стану знаменитой певицей, тогда вы, болваны, пожалеете, что издевались надо мной!

Я сидел рядом с Женькой, мы с ней оба наряжены в русские народные костюмы. Наша главная роль заключалась в том, что мы вдвоем с Женькой выносили каравай хлеба на расшитом узорном рушнике. Затем по ходу программы подпевали в фольклорном ансамбле. А еще Женя читала серьезные стихи.

Это были самые счастливые дни того лета. Автобус покачивало, я прижимался к теплому боку Жени, иногда она о чем-то глубоко задумывалась, я осторожно прикасался к ее плечу: «Ты чего, Жень?»

Она с улыбкой оборачивалась и машинально целовала меня в щеку своими теперь уже совсем взрослыми губами.

Девчата и некоторые агитбригадовцы пытались поднять нас на смех, дескать, жених и невеста, на что Женя просто и скромно отвечала, оборачиваясь к сидящим позади:

— Он мой сосед, и я его действительно люблю!

Валя обиженно и ревниво надувала губы. Она в автобусе всегда сидела одна, не позволяя ухажерам «приземлиться» рядом:

— Я солистка! Я должна сосредоточиться!.. Отстаньте, бездарные тупицы!

А я думал о том, что не зря, наверное, ходят слухи о том, что в соседнем городе у Женьки есть жених, что она где-то познакомилась с ним и уже несколько раз ездила к нему...

Любой предмет за окном автобуса чрезвычайно интересовал наших насмешников:

— Смотрите, гусь с гусыней куда-то топают. Ишь, какие важные, переваливаются с боку на бок...

— А вон мальчишка на велосипеде. Маленький, а уже в очках. Наверное, будущий музыкальный гений, вроде Курлыкина...

— И пруд показался. Эй, баянист, не хочешь ли освежиться?..

Курлыкин, отвлекшись от собственных печальных мыслей, требовал от парней, чтобы те заткнулись, иначе он за себя не ручается:

— Надоел ваш примитивный агитбригадовский юмор! — и упрекал Зинаиду Дормидонтовну: — Вы куда смотрите, начальница? Почему позволяете этим оболтусам дразнить талантливого солистку и меня, единственного на весь район баяниста?

— Ах, отстаньте вы все от меня! — кривила губы Зинаида Дормидонтовна и подносила к глазам скомканный платочек, вечно зажатый у нее в кулаке, слабая на слезу, как трехлетний ребенок. — У меня от вас голова болит. Разве с вами, зубоскалами, сотворишь хоть народное творчество?.. Господи, когда же я от вас от всех отмучаюсь!..

Оборачивалась с переднего сиденья толстушка Лида, выступавшая с молдавским танцем, надувала обиженно щеки:

— Надо сказать поварам, чтобы не спешили раздавать еду механизаторам во время обеденного перерыва на полевом стане. А то комбайнеры первым делом начинают хлебать борщ, а на выступления артистов — ноль внимания.

Подъезжали к обочине поля. Выходили из автобуса. Баянист галантно подавал Вале руку, помогая сойти со ступенек на хрусткую стерню. Затем поправлял на груди баян, делая несколько пробных аккордов. Один за другим глохли моторы комбайнов, становилось тихо. Духмяно пахла свежая солома, золотившаяся в копнах. Глаза щурились от яркого дымчатого горизонта. Кричала стая грачей, прилетевших на обмолоченные поля подкормиться, шумел в лесополосе ветер, звякали посудой солидные неспешные поварахи.

Начинался концерт. Курлыкин хмурился: ему казалось, что зрители насмешливо смотрят на его испитое нездорового цвета лицо. И он стеснительно клонил голову к баяну, будто укладывал ее на плаху. Ветер шевелил его кучерявые волосы, открывая раннюю лысину размером с пятирублевую монету, как подметили острые на язык агитбригадовцы.

Мы с Женькой церемонно выносили из автобуса хлеб-соль на расшитом полотенце, кланялись комбайнерам, усевшимся в тени деревьев на обед.

Подходил председатель, смущенно покашливал в кулак, торопливо отламывал от каравая кусочек и говорил какие-то бессвязные благодарственные слова вроде того, что мы сегодня домолотим эти сто гектаров и переждем на поле овса, а вам — спасибо, товарищи артисты!

— А правда ли, что новые американские комбайны не ломаются? — спрашивал въедливый Курлыкин.

— Не ломаются... — ворчливо соглашался председатель. — Но они, собаки, дорогие, мы привыкли к своим, советским... — и указывал на стоящий в стороне старенький комбайн «Дон».

Из шеренги «рябинок» выходила Зинаида Дормидонтовна, плаксивым натужным голосом объявляла:

— А сейчас для ударников жатвы наша солистка Валя исполнит лирическую песню...

И вот Валя — в белых туфлях с назеленными носами и мазутным следом от домкрата на артистическом красивом платье выходила по хрусткой стерне на середину большого круга.

Следом за ней, слегка сгорбившись, брел с баяном Курлыкин, на ходу подбирая кнопки голосов.

Валя останавливается, взгляд ее направлен вверх людей и машин. На комбайнерах — спецовки в пятнах мазута, пыльные неподвижные машины. Гулкое поле, грачи, перебивающие своим карканьем начало песни... Но это все временное, как бы ненастоящее. Там, за кромкой жаркого качающегося горизонта, большие туманные города, неведомая судьба, успех или неудача...

Она пела, и голос ее был тонкий, будто прозрачный, как у ласточки, мельтешащей над полем. Прикрывал глаза толстый председатель, убаюканный песней и усталостью. Замирала возле парящей кастрюли повараха в белом колпаке, вытирала ладонью вспотевший лоб, тихо всхлипывала, узнавая в песне свою несостоявшуюся любовь. Мальчишка-штурвальник, прилепившийся к лесенке комбайна, уставился на Валу с открытым ртом — такой необыкновенной красавицей она вдруг перед ним предстала.

Зинаида Дормидонтовна тоже поглядывала на нее и украдкой вздыхала.

Исполнив песню, Валя с какой-то недовольной гримасой возвращалась в строй артистов и смотрела в синее августовское небо, нервно покусывая нижнюю губу.

«ЗАВЕДУЮЩИЙ ДИСКОТЕКОЙ»

Летними вечерами я знал, где искать Алика — он сидел обычно в «церковном» подвале со сводчатым потолком. А вообще-то это было помещение под Домом культуры, а про то, что он когда-то был церковью, забыли все, даже старики.

В подвале стояла аппаратура, кабель тянулся к столбу на танцплощадке, где был укреплен репродуктор. Удивительный факт: этот чемодан с большим динамиком никто не воровал и не корёжил.

Алик с важным видом менял диски в музыкальном центре, иногда говорил что-то ободряющее в микрофон и называл себя диск-жокеем. Он работал и гордился тем, что получает за это небольшую зарплату — пятьдесят рублей за вечер.

Звучит музыка, мигают гирлянды цветных лампочек, повешенных крест-накрест над круглой танцплощадкой. Вьется мошкара, комары кусают, но молодежь отчаянно отплясывает, гремят доски пола.

Я спустился по подвальным ступенькам, открыл тяжелую, обитую железом дверь.

Алик сидел возле своего музыкального центра, положив ноги на стол на манер делового американца из какого-нибудь кинофильма. К его подошве прилипла соломина. Мой приятель курил тонкую женскую сигарету, стряхивая пепел на сияющие CD-диски. В помещение подвала мощный звук проникает через толстые стены и слышится как отдаленное эхо.

Мой друг великодушным жестом пригласил садиться на вихлявый пыльный стул, но я отказался и спросил разрешения посмотреть диски.

Алик величаво кивнул головой.

— Только не перепутай порядок. А то поставлю подряд одну и ту же музыку.

На минутку заглянула в подвал заведующая Домом культуры Зинаида Дормидонтовна, её связанные в тощий пучок волосы украшала розовая ленточка — она ее молодила. Скорчив гримасу, всегдашним своим плаксивым голосом женщина сказала:

— Алик, не кури в помещении, по правилам это запрещено...

Увидев, что я перебираю диски, директорша занудила тонким дребезжащим голоском: не тронь, мол, диски, они и так все поцарапаны... Я положил их на место, в том порядке, в каком они были разложены Аликом.

Зинаида Дормидонтовна попросила нас с Аликом навести порядок возле дискотеки: там опять откуда-то набежала малышня со ржавыми консервными банками, в которых плескалась вода, и начала забрасывать танцующих живыми лягушками.

Девушки визжали, взрослые парни гонялись за озорниками, норвя хлестнуть каждого сломленной хворостиной.

— Молодцы, дети! — корректирует «огонь» Алик, хотя и обещал заведующей дать отпор «лягушатникам», — ему по должности полагается прогонять юных хулиганов.

— Это называется «психическая атака»... Так их, разных «эму» и «страусов»!

Парни с брезгливым видом выкидывают лягушек с танцплощадки, вдалеке слышится плач — какого-то юного метателя лягушек все-таки поймали и отлупили хворостиной.

— Полундра! — кричит Алик. — Разбегайсь!..

Из кустов доносятся взвизги и звуки подзатыльников.

Алику выгодна эта суматоха — скоро дискотека кончится, и он пойдет домой отдыхать.

Появился участковый, крутанул ухо первому попавшемуся мальчишке:

— Это что такое тут? Это почему тут хулиганство? Разойтись посторонним от танцев!..

Алик смотрит на пожилого участкового:

— Очень похож на дореволюционного урядника, как на картинке в учебнике. И точно так же никогда ни во что не вмешивается... Эй, полиция, отпусти ребенка, зачем ты хватаешь его за ухо? Иди в парк, в темноту и лови там шпану, у которой финки и травматические пушки...

Участковый с удовольствием забрал бы Алика в «холодную» и подержал бы его там денек-другой, но ему неохота тащить скандального подростка в участок, он ограничивается тем, что молча грозит ему корявым пальцем.

Участковый уходит, мы с Аликом возвращаемся в подвал, болтаем о том о сем. Актрисы и актеры, фотографиями которых оклеены стены подвала, приятно нам улыбаются. На одном из портретов наклеено фото Вали. Алик замечает мой взгляд и краснеет.

Дискотека смолкает, молодежь постепенно расходится, в парке пятнами движутся парочки. Где-то там Женька... С кем она?

— Ну, иди догоняй ее, а то опять уведут твою соседку! — говорит насмешливо Алик.

— Без тебя знаю...

Алик заводит напоследок старую песню: «Опустела без тебя земля...»

Он щелкает выключателем, песня обрывается на полуслове: «Опустела без тебя земля...»

Становится тихо. Звезды тают в белизне полуполночного неба, гаснет свет над площадкой, все вокруг погружается во тьму. Небо становится выше, яснее, на нем крохотные точки звезд. Последние пары, светлея платьями и рубашками, стучат каблуками по бетонной дорожке. Силуэты людей постепенно растворяются в июньской ночи.

Во дворах лают собаки, вот уже и петухи запели, глухо переключаясь по сараям.

КНЫШ

Я побежал и вскоре увидел, как она идет по парку в небольшой компании, а с ней рядом местный богатырь, почти гигант по моим подростковым меркам, — Виктор Кнышев по прозвищу Кныш.

«Женька... Женька!» — забила под сердцем тягостная противная жилка. И даже слегка комично было на них смотреть — она маленькая, ростом чуть выше меня, а он вообще громила!

Я торопливо пошел за этой группой, скорее чувствуя, чем понимая, что Женьке почему-то нравится быть в этой компании. Они о чем-то разговаривали и смеялись.

Кныш как-то заметил, что я иду следом, и

толкнул меня, почти не глядя, как посторонний предмет. Я от неожиданного толчка поскользнулся на краю бетонной дорожки.

Женька обернулась, вначале испуганно, затем, увидев, что это я, засмеялась, как обычно она всегда смеялась надо мной, — звонко и заливисто.

Я снова кинулся им вслед, теперь уже только за Женькой, собираясь сказать ей что-нибудь обидное и злое. Точно так же я был разгневан давным-давно, в детстве, когда мы играли с ней в «Открой рот-закрой глаза» и она вместо конфеты положила мне в рот козий котяшок.

— Дура рыжая, тварь курносая, предательница!.. — вырвалось у меня на ходу.

Тут Кныш обернулся уже не только краем глаза, но вполборота, и не очень сильно, но боксерски точно ударил меня в подбородок.

Меня откачнуло назад, будто я наткнулся лицом на тупую железяку. В глазах сверкнуло огненным пятном. И весь ночной парк утонул в этой внезапной вспышке, я упал в мягкую, припахивающую молодой осенью листву.

— За что ты его! — послышался негодующий возглас Женьки. — Он еще почти мальчик, мой сосед...

Но Кныш схватил ее под локоть и потащил дальше. Она ему еще что-то торопливо и взволнованно говорила...

Затем я вновь различил знакомые удаляющиеся фигуры. Они уже были далеко, выходили из ворот парка.

Я почувствовал, что верхняя губа засолонилась кровью, и вспомнил тот поцелуй, когда Женька как бы нечаянно поцеловала меня во время поедания огурцов, густо посыпанных крупитчатой солью... Вместе с этим ударом из меня словно вышибло все детство, я готов был догнать Кныша и драться с ним до тех пор, пока хватит сил...

В отчаянии я упал на траву, распухшая губа почти не болела. Я смотрел на звезды, видные сквозь поредевшие верхушки тополей, и думал: вот бы мне сейчас умереть! Если нет настоящей любви, то зачем жить?

НОЧНОЙ ВИРАЖ

Алику знакомый парень продал по дешевке старый мотоцикл, который худо-бедно ездил. И мы ухитрились на нем гонять вечерами: без тормозов, без фары, без камеры в переднем колесе, вместо неё Алик ухитрился вставить вторую покрышку, отчего колесо жутко вихлялось.

Однажды управлял мотоциклом я. Тормоз не работал с начала лета, ручку газа заело, ручник провис, двигатель ревел на полную мощность... Алик вопил мне что-то на ухо... Я совсем растерялся.

Выжал сцепление, пытаюсь включить первую скорость, но она не включилась...

Мы слетели с поворота, Алик, сидевший сзади, упал в лужу и спасся, я же ударился боком о какой-то камень и не смог встать.

Друг помог мне подняться, усадил на заднее сиденье, завел мотоцикл — он, паразит, завелся как ни в чем не бывало! — и мы поехали в больницу, где в тот вечер дежурила моя мама. Она вызвала хирурга, и тот после рентгена обнаружил перелом правой ноги, которую тотчас загнували. Теперь до выздоровления я мог ходить только на костылях.

ПРОЩАЛЬНЫЙ ПОДАРОК

Прошло время, прежде чем меня навестила Женька. Она, кажется, забыла о случае с Кнышем, выглядела вполне дружелюбно и даже поцеловала меня в щеку:

— Зачем ты поехал с этим балбесом Аликом?

— Алик здесь ни при чём, это я сидел за рулем.

— Разве можно кататься на таком ужасном мотоцикле? — воскликнула Женька и тихо добавила: — А у меня скоро будет ребенок...

— Что? — удивился, привставая на диване. — От кого, от Кныша?

Она блестящими хитрыми глазами взглянула на меня и отрицательно покачала головой. Помолчала, вдохнула.

— У меня в городе есть настоящий жених. Я ведь поступила в педагогический институт и во время экзаменов познакомилась с парнем... Ну,

и вот скоро мы поженимся, у нас будет ребенок... Вот потрогай!

Я погладил под новым платьем её округлившийся и какой-то твердый на ощупь живот.

«Не трогай! Не трогай!» — послышался вдруг мне странный голос ниоткуда. Я тотчас отдернул руку.

— Ты чего? — рассмеялась Женька. — Мне уже сделали УЗИ, сказали, что будет мальчик!

«Будет, будет тебе мальчик, распутница...» — вновь послышался мне странный, будто колдовской голос.

Я не на шутку перепугался:

— Ты, Жень, это самое... береги себя!

Она вместо ответа наклонилась, крепко и сильно поцеловала меня в губы.

— А ты хороший... — сказала она. — Странно, что я тебя не полюбила. А может, еще и полюблю...

— Оставайся со мной и никуда не уезжай, Женя! Ты ведь знаешь, что я тебя всегда... — Я хотел вскочить с дивана, на котором лежал, но она не позволила мне встать, мягко упираясь обеими маленькими ладонями в мою грудь.

— Молчи, молчи...

Мама умильно, с какой-то грустью смотрела на эту сценку из дверного проема.

— Ах, Женя!.. — тихо воскликнула мама. — Ведь он тебя любит, любит! — и почему-то заплакала, закрыла лицо ладонями и ушла в кухню.

Женька в некоторой растерянности остановилась посреди комнаты.

— Я тоже его люблю! — сказала она упавшим голосом. — Но он всегда казался мне маленьким, а теперь так получилось, что я вышла за другого...

Мама снова вошла в комнату с кухонным полотенцем, перекинутым через плечо, этим полотенцем она машинально вытирала свое раскрасневшееся лицо. Мама взглянула на Женьку почти злыми глазами:

— Иди, Женя, иди с богом... Видишь, он переживает!..

Но я ни капельки не переживал, наоборот, я радовался, что Женька пришла меня навещать, что она призналась в том, что хоть немного меня любит!

— Вот еще... — Женька подала картонную коробку, обвязанную шпагатом. — Это тебе подарок на память обо мне.

— Какой еще подарок?

— Сам после увидишь. Пока! Я уезжаю в город к жениху... Теперь мы с тобой нескоро, наверное, увидимся...

И на прощанье еще раз поцеловала меня в щеку.

Все это время мама неодобрительно на нас поглядывала, она проводила Женьку до порога и громко захлопнула за ней дверь.

ВАЛЯ

На следующий день меня навестила Валя.

— А где поросята? — озиравшись вокруг.

— Они теперь живут в сарае... — вместо меня ответила мать. — Они подросли и лопают всё подряд! — и со смущенным выражением лица вышла в другую комнату.

Интересно, почему женщины знают все на свете и обо всем догадываются?

— Тебе больно? — спросила Валя. Она вдруг наклонилась и поцеловала меня прямо в губы. Точь-в-точь как вчера Женька, почти неотличимо... А губы у нее были горячие, мягкие и не такие твердые, взрослые, как у Женьки. Но если от Женькиного поцелуя я вздрогнул и все во мне тогда замерло, будто я на секунду почувствовал себя отцом ее ребенка, то Валин поцелуй ощутил как обыкновенный, школьный, словно это была очередная благодарность за списанную задачку по математике.

Валя принесла пакет гостинцев: бананы, апельсины, шоколадка...

— Хочешь шоколаду?

— Нет, я пока ничего не хочу.

— Лучшее бы ты был один, даже со своими поросятами... — она покосилась на дверь комнаты, за которой скрылась мама, и погладила со странной улыбкой мою забинтованную ногу.

Наклонилась и еще раз поцеловала меня. Мама чем-то загремела на кухне. Валя торопливо отстранилась.

«Вот она, Валя, твоя невеста!» — вновь слышался чей-то голос. Я решил, что мне мерещатся голоса от обезболивающих уколов, которые мне делала приходящая медсестра.

ДОМАШНЕЕ ЗЕРКАЛО

Валя вскоре ушла, а я, оставшись в комнате один, взял со стола круглое зеркало и внимательно разглядел свое отражение. Я вдруг увидел, что оно совсем не такое, каким было раньше. Белый чуб пушистой волной окаймлял смуглое загорелое лицо, глаза посветлели, в них появилось что-то серьезное, задумчивое.

«Это я! Я! — почему-то взволнованно думал, осторожно прикасаясь ладонью к своим гладким загорелым и прохладным щекам. — Вот, оказывается, какой я... Я повзрослел, и Женька это заметила!..»

Я вспомнил про подарок и развязал коробку — это были коньки, ее красивые коньки с ботинками, они раньше были мне чуть великоваты. Женька и прежде разрешала мне покататься на них денек-другой, а теперь подарила навсегда. Неужели она сама теперь никогда не будет кататься на коньках?..

ЭХ, ЖЕНЬКА, ЖЕНЬКА!..

Остаток лета и осень пролетели незаметно, вновь наступила зима, а я так и не обновил Женькин подарок — коньки. Я уже не хромал и постепенно начал забывать Женьку, которая жила в соседнем городке со своим загадочным мужем.

Но вот однажды в комнату стремительно вошла мама с взволнованным раскрасневшимся лицом. Она подошла к Женькиной фотографии, висевшей на стене, обернулась ко мне, сиюминутно что-то сказать... Я ремонтировал телевизор, припаивал проводок и почти не обращал на нее внимания. Она же будто места себе не находила: то на кресло сядет, то на диван, то выйдет на улицу, сдергивает с веревок почти сырое белье — летят на землю прищепки, она их не поднимает. Это плохой признак....

Наконец мать подошла ко мне, отобрала у меня из руки дымящий паяльник, некоторое время смотрела мне в лицо, но не в глаза:

— Ты знаешь... Я не знаю, как про это сказать... Женька умерла... — она всхлипывает, вытирает глаза, которые по-прежнему отводит в сторону, будто в чем-то виновата.

– Как умерла?
 – При родах... Она не смогла родить ребенка. Я не знал, что сказать, лишь машинально выдернул шнур паяльника из розетки.
 – Мам, мне надо погулять...
 – Иди, только скорее возвращайся, я буду волноваться!
 Я кое-как оделся, заметив краем глаза, что мама тихо плачет. Она успела зажечь маленькую свечку в углу стола и поставила перед иконкой Владимирской Божьей матери.
 – Ты куда гулять-то?.. – спросила упавшим голосом.
 – На каток! – выдавил я из себя. – Мне надо на свежий воздух...
 – Ты бы, сынок, посидел дома, Женя была наша соседка, ты с ней дружил... Посидел бы в тишине, повспоминал бы ее...
 – Не могу сидеть в тишине!
 Коньки лягнули, когда я достал из коробки, и громко зазвенели, когда положил их обратно... Поколебавшись, решил все-таки подвязать свои привычные снегурки со старыми сохшимися ремешками.

ВЕЧЕРНИЙ ЛЕД

«Она умерла, умерла!..» – эти слова молодчиками бились в висках.

Женькин дом был с темными окнами и тоже будто мертвый. Алик тоже, наверное, уехал на похороны.

Вскоре я очутился на берегу того самого пруда, где Женька когда-то впервые по-настоящему поцеловала меня.

Ребята, завидев меня, замахали клюшками – опять не хватает игроков в команде.

Лед на пруду был очень красивый – темный, почти черный, а с глубины он светился изумрудным оттенком, блестел серебристой каемкой с исподней водяной стороны. Во льду, словно светящийся бисер, застывшие пузырьки. Те самые, которые мы с Женькой в прошлом году пробивали остриями коньков. На этом самом месте!

Меня поставили в команду, но играл я плохо, никого, почти никого и ничего не видел и, промахнувшись по самодельным воротам, поехал на поиски убегающей шайбы в сверкающий простор льда.

Я чувствовал, что ребята смотрят мне вслед, но они не поехали за мной и даже не окликнули. Казалось, они тоже наблюдают за медленно скользящей в темноту шайбой.

Посреди ледяной темноты пруда я разрыдался: мне хотелось найти в зимней тьме Женьку, взять ее за руку и вывести назад – к свету ночных огней...

□

Александр ТИТОВ

родился в 1950 г. в селе Красное Липецкой области, окончил Московский полиграфический институт, Высшие литературные курсы. Автор семи сборников прозы.

Публиковался в журналах «Подъем», «Волга», «Север», «Литературная учеба», «Новый мир» и др.

Дипломант литературного конкурса им. Н. Островского (1980), Пятого Волошинского конкурса (2007),

финалист национальной литературной премии для детей и юношества «Заветная мечта-2008» за повесть «Ангелок»,

по мотивам которой снят полнометражный фильм «Ангел», Москва, киностудия «Ракурс» (2011),

лауреат областной литературной премии имени Е. Замятина (2010), а также областной литературной премии имени И. Бунина (2011) и премии областного липецкого журнала «Петровский мост» (2012).

